

ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по исторіи Русской церкви.

О „хожденіи“ Трифона Коробейникова.—Церковно-учительское дѣло въ Московской Руси.—Государственное значеніе русскихъ патріарховъ. — Изъ Воспоминаній протоіерея Базарова: о духовной цензурѣ въ царствованіе импер. Николая I, о духовной учености въ Россіи.—Церковно-общественные вопросы въ эпоху Александра II.—Перечень другихъ статей.

Наши журналы какъ свѣтскіе, такъ особенно духовные всегда много отводили мѣста для вопросовъ по исторіи отечественной церкви. Не мало встрѣчается статей по разнымъ отдѣламъ этой науки и въ вышедшихъ книжкахъ нынѣшняго года, статей разнообразныхъ по содержанию. Мы не считаемъ нужнымъ передавать содержаніе каждой статьи отдѣльно, потому что пришлось бы въ этомъ случаѣ нерѣдко повторять читателю „старую старинку на новый ладъ.“ Остановимся только на тѣхъ, которыя интересны болѣе или менѣе новизной предметовъ или оригинальностью рѣшеній взятыхъ вопросовъ.

Небольшая статья М. В. Рубцова „Къ вопросу о „хожденіи“ Трифона Коробейникова въ святую землю въ 1582 году“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, апрѣль) посвящена спеціальному вопросу объ отношеніи этого памятника паломничьей письменности къ Хожденію Василя Познякава. Сочиненіе Коробейникова, какъ извѣстно, одно изъ распространеннѣйшихъ среди памятниковъ древнерусской паломничьей письменности. Рядомъ съ нимъ можно поставить только Паломникъ игумена Данила. И вотъ со времени открытія Хожденія Василя Познякава, путешествовавшего

на востокъ раньше Коробейникова (въ 1558 г.), авторство послѣдняго подверглось сомнѣнію. Его высказалъ Забѣлинъ, открывшій Хожденіе Познякава, развилъ и обосновалъ Лопаревъ. Авторомъ Хожденія Трифона Коробейникова оба они признали Василя Познякава. Г. Рубцовъ признаетъ, что литературное имя отнято у Коробейникова незаконно, что напротивъ сомнительна подлинность Хожденія Познякава, что оно есть неискusstvenная передѣлка перваго и притомъ можетъ быть не принадлежащая Познякову. Авторъ разбираетъ тѣ затрудненія, какія указываетъ Лопаревъ для признанія Хожденія Коробейникова подлиннымъ, и не признаетъ ихъ достаточно рѣшительными и твердыми, затѣмъ указываетъ на трудности, связанныя съ признаніемъ этой неподлинности и наконецъ приводитъ доводы противъ самостоятельности Хожденія Познякава. Статью нельзя признать окончательно рѣшающей вопросъ. Для его рѣшенія раньше всего слѣдуетъ изучить тексты того и другого памятника, а этого пока не сдѣлано. Весьма распространенное Хожденіе Коробейникова сохранилось болѣе чѣмъ въ двухъ стахъ спискахъ, а при послѣднемъ изданіи въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ ихъ принято въ расчетъ всего 112. Между тѣмъ въ спискахъ, не принятыхъ въ расчетъ при изданіи, встрѣчаются важныя варианты для рѣшенія вопроса объ отношеніи двухъ Хожденій. Съ другой стороны рукописей Хожденія Познякава всего три и при томъ неисправныхъ. Такимъ образомъ заявлять рѣшительное сужденіе по данному вопросу пока преждевременно. Но разбираемая статья можетъ послужить побужденіемъ къ его обстоятельному и детальному переисслѣдованію.

Въ актовой рѣчи профессора Н. К. Никольскаго „*Историческія особенности въ постановкѣ церковно-учительнаго дѣла въ Московской Руси и ихъ значеніе для современной гомилетики*“ (Христіанское Чтеніе, февраль) затрогивается въ высшей степени сложный и важный вопросъ церковно-историческаго и церковно-практическаго характера, ставится онъ очень широко и рѣшается по новому. Нужно только пожалѣть, что авторъ слишкомъ сжато высказываетъ свои мысли, принужденный можетъ быть къ тому рамками актовой рѣчи; онъ приводитъ свои выводы, которые являются видимо плодомъ обширнаго и основательнаго изученія древнихъ ру-

копией церковно-учительнаго характера и старинныхъ библиотекъ, но не вдается въ подробности и не приводитъ доказательствъ. Между тѣмъ какъ первыя очень любопытны, а вторыя положительно необходимы во всякомъ новомъ вопросѣ.—Мы приведемъ рядъ наблюдений проф. Никольскаго по вопросу о постановкѣ церковно-учительнаго дѣла въ Московской Руси (т. е. въ XV—XVII вв.), не касаясь практическаго значенія вопроса въ приложеніи къ современной гомилетикѣ, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ на этотъ счетъ даетъ только нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Вопросъ формулируется такъ: „при наличности какихъ церковно-учительныхъ средствъ — въ народномъ быту Московской Руси, укоренились, крѣпли и возрастали начала религіознаго строя?“ Устная литургійная проповѣдь была неизвѣстна до пол. XVII в. Обычно объясняютъ это невѣжествомъ и нравственнымъ упадкомъ тогдашняго русскаго духовенства. Но авторъ съ этимъ не согласенъ во—первыхъ потому; что духовенство Московской Руси было не только грамотно, но въ нѣкоторой части своей даже книжно, а во—вторыхъ онъ находитъ болѣе естественную причину отсутствія живой литургійной проповѣди, — именно въ томъ, что не существовало полномочій на таковое учительство: главныя нормы, на которыхъ строилась тогда церковная жизнь—кормчая книга и Тишиконъ не представляли кому-либо неограниченнаго права составлять новыя (для каждаго случая) поученія и произносить ихъ за церковными службами. Въ древнѣйшее время церковная импровизація еще имѣла мѣсто, хотя и рѣдко, но въ столѣтія, болѣе близкія къ эпохѣ преобразованій, народное сознание соединяло съ храмомъ слишкомъ возвышенное представленіе, которое не допускало сюда спѣшныхъ и заурядныхъ произведеній челоувѣческой мысли: храмъ во время богослуженія—земное небо и все челоувѣческое исключалось отсюда. „Было бы смѣльнымъ въ настоящее время предлагать въ церкви импровизированныя молитвы. Точно также въ старину не могло быть и рѣчи о повсемѣстномъ обычаѣ устной проповѣди за богослуженіемъ“.

Богослужебную проповѣдь въ московское время замѣняли *уставныя или соборныя чтенія*, состоявшія изъ твореній знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви, изъ житій святыхъ и другихъ назидательныхъ сочиненій. Распадались они на три

отдѣла: житійный (четь-минеи), похвальный (торжественники и правоучительный (златоустники) и были шире типа современной проповѣди со стороны дидактическихъ памятниковъ, входившихъ въ составъ этихъ чтеній.

Обычай соборныхъ чтеній, введенный въ кievскихъ монастыряхъ XI вѣка, игралъ самую выдающуюся учительную роль въ послѣдующее время. Содержаніе уставныхъ чтеній легло, по мнѣнію автора, въ основу идеальныхъ понятій древне-русскаго человѣка. Потребности этихъ чтеній оказали самое замѣтное вліяніе на литературу, такъ что огромное большинство памятниковъ возникло, какъ матеріаль для такихъ чтеній: они представляютъ учительный отдѣлъ древнерусской письменности. А назидательный элементъ сообразно съ этой потребностью проникаетъ въ житія, которыя читались въ церкви, и даже въ лѣтописи.—„Въ исторіи церковнаго устава и назначенныхъ имъ чтеній слѣдуетъ искать разгадку и основнаго направленія древне-русской литературы и послѣдовательности въ ея развитіи и частныхъ интересовъ ея и стилистическихъ вкусовъ писателей, жившихъ до пол. XVII в. включительно“. И исторія богатой переводной письменности на Руси стоитъ въ связи съ потребностями уставныхъ чтеній. Это подтверждается статистическими данными о нашихъ рукописяхъ до XIV в. включительно. Изъ нихъ 29⁰/₁₀₀ падаетъ на долю четіихъ—церковныхъ, 67⁰/₁₀₀ на долю богослужебныхъ и только 3⁰/₁₀₀ на долю келейныхъ ¹⁾. Извѣстные факты изъ исторіи библии въ древней Руси подтверждаютъ мысль автора: книги Св. Писанія распространялись только въ зависимости отъ богослужебныхъ потребностей. Къ концу XV в. по наблюденію проф. Никольскаго главные сѣверные монастыри уже переполнились списками уставныхъ чтеній, но и послѣ того они переписывались охотнѣе, чѣмъ рукописи, не имѣвшія церковнаго назначенія. И такъ продолжалось до пол. XVII в. „Доступныя нашему изученію древне-русскія бібліотеки, говоритъ изслѣдователь, были не хранилищами памятниковъ науки и литературы, но хранилищами богослужебнаго и церковно-учительнаго матеріала“.

---

¹⁾ Здѣсь вѣроятно вкралась опечатка, потому что сумма этихъ трехъ цифръ вмѣсто 100 равна 99.

Вся наша книжность расширялась примѣнительно къ учительной задачѣ уставныхъ чтеній, расширялся и кругъ этихъ послѣднихъ, обмѣниваясь между прочимъ матеріалами и съ келейными рукописями. Въ пользу такого обогащенія новыми памятниками свидѣтельствуешь исторія Прологовъ и Четъ Миней, гдѣ были сосредоточены чтенія мѣсяцесловныя, исторія Торжественниковъ (избранныя чтенія на праздники) Златоустниковъ постныхъ и проч. Въ до-Макарьевскую эпоху на нѣкоторые дни и праздники уже полагалось до 15—20 чтеній, а въ теченіе всего дневного богослуженія прочитывалось иногда до 100 листовъ большаго формата. А во время Макарія количество такихъ чтеній приумножилось. Въ грандіозный сборникъ митр. Макарія „Четъ-Миней“, т. е. въ книгу уставныхъ чтеній, распредѣленныхъ по мѣсяцеслову, вошло большинство литературныхъ памятниковъ, обращавшихся въ новгородскихъ библиотечныхъ рукописяхъ до 40-хъ годовъ XVI в. Предпріятіе проникнуто было мыслью, что четія книжность должна совпадать съ уставными „божественными“ чтеніями.

Чтенія происходили въ церкви, на трапезѣ и въ кельяхъ. Въ церкви чтенія предписывались уставами за утреннимъ богослуженіемъ и своимъ содержаніемъ они такъ тѣсно примыкали къ священнымъ пѣснопѣніямъ и службамъ или примѣнялись къ церковнымъ памятямъ, что составляли какъ бы дополнительную и неразрывную часть самаго богослужебнаго чина. Чтеніе учительныхъ книгъ во время трапезованія составляло въ общежительныхъ монастыряхъ какъ бы часть общественнаго богослуженія. Трапезница устраивалась нерѣдко какъ церковь, братскіи обѣды происходили здѣсь вслѣдъ за литургіей и совершались по опредѣленному чинопослѣдованію. Наконецъ чтеніе книгъ по кельямъ подчинено было монастырскому уставу. Братія имѣла право брать для чтенія книги только изъ монастырской библиотекы и по неволѣ читала тѣ же книги, которыя прочитывались въ церкви и за трапезой.

Итакъ преобладающимъ просвѣтительнымъ средствомъ въ Московскіе вѣка было богослужебное и учительное содержаніе соборной книги. Уставныя чтенія заправляли духовнымъ воспитаніемъ народа. „Существовало самое тѣсное внутреннее единство между церковно-богослужебною жизнію

и ея просвѣтительными средствами. Церковность была послѣдствіемъ этого единенія“.

Не для того, чтобы поправлять автора, а только для справки мы приведемъ къ объясненію характера церковнаго учительства въ древней Руси нѣсколько строкъ изъ рукописнаго курса А. В. Горскаго. „Правило апостольское (58), которымъ возлагалась обязанность учить на епископовъ и пресвитеровъ, находили нужнымъ неоднократно повторять на соборахъ, напр. Трульскомъ и послѣднемъ вселенскомъ и повторяли только по отношенію къ епископамъ. И греческіе толкователи XI и XII вѣковъ этимъ правиламъ нигдѣ не даютъ такого значенія, чтобы они распространялись и на пресвитеровъ. Толкователь Вальсамонъ говоритъ, что въ старину и священники обязывались учить, а нынѣ нѣтъ... Ежели же въ Греціи эта обязанность проповѣдывать осталась за одними епископами, то нѣтъ никакой причины думать, чтобы это иначе было у насъ. Но въ Греціи это ослабленіе древнихъ правилъ вознаграждалось множествомъ епископовъ, у насъ и этого не было“. Покойный ученый видѣлъ недочеты въ постановкѣ учительнаго дѣла въ древней Руси. И дѣйствительно, въ немъ были недостатки, не отмѣченные авторомъ. Не былъ строго разобранъ матеріалъ для церковнаго и домашняго чтенія и на ряду съ дѣйствительными отеческими писаніями помѣщались въ учительныхъ сборникахъ писанія апокрифическія, только затемнявшія сознаніе народа. Потомъ: является вопросъ, широко ли пользовались отмѣченными учительными средствами въ тогдашней Руси? Едва ли очень широко. Полныя бібліотеки были въ лучшихъ монастыряхъ, а въ приходахъ вѣроятно отсутствовали даже самыя нужныя изъ учительныхъ книгъ. Приходскіе священники, какъ извѣстно мало отличались отъ крестьянъ и рѣдко исправляли церковныя службы (Посошковъ). И учили ли они на нихъ своихъ пасомыхъ?! Простому народу было недоступно церковное наставленіе. И результатомъ этого было поразительное религіозное невѣжество народа, особенно ярко отмѣченное въ эпоху возникновенія раскола.

Въ очеркѣ Г. М-ва „*Государственное значеніе всероссійскихъ патріарховъ*“ (Вѣра и Разумъ, февраль кн. I и II, апрѣль кн. I) на основаніи главнымъ образомъ существующихъ из-

слѣдованій выясняются историческія и національныя основы обширной государственной дѣятельности русскихъ патріарховъ, ея характеръ и главнѣйшія проявленія въ администраціи и законодательствѣ Московскаго государства. Указавъ на гражданское и государственное значеніе русской церкви съ древнѣйшихъ временъ, авторъ отмѣчаетъ, что ея государственное значеніе достигаетъ своего апогея въ лицѣ патріарховъ и причина этого не въ личностяхъ патріарховъ, а въ постепенно сложившихся національныхъ представленіяхъ русскаго народа о патріаршемъ санѣ и власти, а также въ исключительныхъ историческихъ обстоятельствахъ, сблизившихъ патріарховъ съ народомъ.

Представленіе о патріархѣ и его власти русскій народъ получилъ изъ Византіи и представленіе это было самое высокое: цареградскій вселенскій патріархъ—„общій учитель и отецъ, свыше отъ Бога поставленный для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ“; онъ „судія вселенной, имѣющей права Бога“. Вѣковое подчиненіе константинопольскому патріарху укрѣпило подобный взглядъ въ народѣ и когда патріаршество было установлено въ Москвѣ, народъ перенесъ и на своего патріарха сложившіяся представленія о прерогативахъ патріаршей власти и воспитанное къ ней уваженіе. Власть Московскаго патріарха была не выше той, какой пользовался Московскій митрополитъ, но духовный авторитетъ его возвысился и національное значеніе стало важнѣе. Духовный представитель третьяго Рима, патріархъ сталъ дорогъ народу, потому что его санъ служилъ преумноженію славы Московскаго государства.

Заслуги церкви въ смутное время особенно сблизили ее съ народомъ, подняли ея значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное положеніе русскаго патріарха, который явился въ это тяжелое время охранителемъ, опорой православія, центромъ народнаго патріотическаго движенія, связующимъ распавшіяся врозь части государства. Въ безгосударное время патріархъ сталъ для народа начальнымъ чловѣкомъ и высшимъ судіей. Эта мысль свое осуществленіе получаетъ при первомъ царѣ дома Романовыхъ и при патріархѣ,—его отцѣ. Филаретъ принялъ съ титуломъ патріарха и титулъ „Великаго государя“ и былъ государемъ на самомъ дѣлѣ: „всякими царскими дѣлами и ратными владѣлъ“. При

немъ возникъ вопросъ о сравнительной высотѣ власти патріаршей и царской и разрѣшенъ самимъ государемъ въ такомъ смыслѣ „что каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государь“. Обѣ власти равны.

Въ лицѣ патріарха народъ нашъ видѣлъ идеаль пастыря, носителя завѣтныхъ народныхъ идеаловъ каковы правда и святость, видѣлъ значить охранителя справедливости и порядка, обличителя беззаконія, а съ другой стороны представлялъ патріарха средоточіемъ всего православія, всѣхъ своихъ православныхъ идей и стремленій. Величіе патріарха особенно проявлялось во время богослуженія, которое онъ совершалъ съ необыкновенной торжественностью. Въ это время патріархъ былъ выше царя, который цѣловалъ патріаршую руку. Въ нѣкоторыхъ церемоніяхъ, каково шествіе на осляти, когда царь водилъ коня, на которомъ возсѣдалъ патріархъ, особенно наглядно выражалась эта мысль о томъ, что церковное положеніе патріарха выше, чѣмъ царя. Но возвышая патріарха, народъ не унижалъ тѣмъ царя; онъ различалъ хотя и нестрого границы между царской и патріаршей властью. Такъ въ представленіи народа царь и патріархъ являлись какъ бы нераздѣльной дволицей. Между ними не было спора изъ за преобладанія: царь почиталъ патріарха, какъ духовнаго отца; патріархъ, призываемый государемъ на совѣщаніе, вовсе не старался овладѣть государственными дѣлами.

Взаимныя отношенія власти царской и патріаршей нельзя подвести подъ извѣстныя формулы государственнаго права, выработанныя на западѣ: это не былъ папоцезаризмъ ни цезарепапизмъ. Здѣсь были чисто патріархальныя отношенія, основанныя на нравственныхъ началахъ: на взаимномъ уваженіи, на воспитанномъ вѣками довѣріи и общности интересовъ церкви и государства. Сферы государственной и церковной жизни не были разграничены. И это создавало единство и крѣпость ихъ союзу, при которомъ церковь получала возможность оказывать свое вліяніе на управленіе и законодательство страны. Значеніе патріарховъ не связывалось только съ личными способностями нѣкоторыхъ изъ нихъ; въ существенномъ оно было равно высоко, потому что связано было съ ихъ саномъ. Даже о менѣ даровитыхъ патріархахъ извѣстно, что они занимали первое мѣсто при

царѣ, даже въ Уложеніи власть и авторитетъ патріарха не были нисколько унижены.

Авторъ подробно останавливается на времени патріаршества Никона, когда по его словамъ „государственное значеніе русской церкви достигаетъ необыкновеннаго величія“. Никонъ подобно Филарету имѣлъ титулъ Великаго государя и не номинально: иностранцы называютъ его „всемогущимъ“. Нѣкоторые ученые видятъ въ Никонѣ русскаго папу. Авторъ не согласенъ съ этимъ и обстоятельно обосновываетъ положеніе, что „Никонъ повторилъ только тѣ каноническія и частныя воззрѣнія на отношеніе государственной и церковной власти, которыя существовали до него въ греко-восточной и русской церкви и съ которыми онъ старался собразоваться въ своей церковной и государственной дѣятельности“. Но въ этихъ воззрѣніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго посягательства на самостоятельность гражданской власти; церковь стремилась только замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вмѣшательства государственной власти и отстоять за собою право высшаго религіозно-правственнаго руководства надъ мірянами.

Но повсюду, гдѣ церковная и гражданская власти не соединены въ одномъ лицѣ, происходитъ между ними борьба. Была она и у насъ, велась въ продолженіе XVI и XVII стол., а во время патріаршества Никона достигла высшаго напряженія. Такъ какъ она велась въ защиту правъ церкви, а кончилась не въ пользу патріарха, то едва-ли точно выражается авторъ, говоря, что „государственное значеніе русской церкви достигаетъ небывалаго величія въ патріаршество Никона“. Вѣрнѣе назвать это время временемъ возвышенія патріаршей власти благодаря выдающейся личности Никона, но степень государственнаго значенія церкви было унижено Уложеніемъ, оставившимъ въ силѣ авторитетъ патріарха. Борьба, продолжаетъ авторъ, шла на почвѣ экономической и юридической. Московскіе государи свободно распоряжались митрополитическимъ престоломъ въ эпоху предъ учрежденіемъ патріаршества, а теперь обнаруживаютъ стремленіе отнять судебныя и экономическія вотчинно-владѣльческія привилегіи церкви. Церковь заботится о томъ, чтобы отстоять свою самостоятельность и тѣ привилегіи, которыя ранѣе были дарованы ей государствомъ: неподсудность духовныхъ лицъ гражданскому суду

и неприкосновенность церковныхъ имѣній. Въ 1649 году Уложеніемъ царя Алексѣя духовенство подчинено было свѣтскому суду и его постепенное обогащеніе было ограничено въ пользу государства. Церковь не могла примириться съ этимъ и на этой то почвѣ и выросъ Никонъ. Происходя изъ народа и будучи грекомъ по убѣжденіямъ, Никонъ осуществлялъ народное представленіе о патріаршей власти и не привнесъ ни одной своей мысли въ ея каноническую норму. Представленіе о высотѣ этой власти сложилось у него до вступленія на патріаршій престоль, а во всей полнотѣ оно высказано имъ позднѣе въ „Возраженіи или разореніи“. Здѣсь онъ говоритъ о превосходствѣ „священства“ надъ „царствомъ“, но это теоретическое представленіе, основанное на священномъ писаніи и святыхъ отцахъ; говоритъ о почитаніи, вниманіи и послушаніи священству отъ царства, но разумѣеть подъ этимъ чисто нравственное руководство церкви. На практикѣ Никонъ является защитникомъ самостоятельности обѣихъ властей съ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности и страстно вооружается противъ вмѣшательства въ дѣла церкви, борется противъ мысли, что царь есть глава церкви, противъ права его судить архіереевъ и управлять церковію, наконецъ противъ Уложенія и монастырскаго приказа. Никонъ рѣшительно заявилъ, что церковь есть вполне самостоятельное и независимое учрежденіе и что всякое вмѣшательство въ церковную жизнь со стороны свѣтской власти, всякая попытка подчинить себѣ церковь есть незаконное посягательство, нарушеніе правды Божіей. Но стремясь защитить права церкви, патр. Никонъ вовсе не пытается отрицать самостоятельность мірской власти и проникнуть вмѣшательствомъ своимъ въ сферу дѣлъ гражданскихъ. И не только въ воззрѣніяхъ знаменитаго патріарха, но и въ его дѣятельности нельзя видѣть проявленій папозецаризма. Имѣя титулъ Великаго Государя и по довѣрію царя управляя всѣмъ государствомъ, Никонъ не считалъ ни того, ни другого прерогативами патріаршей власти, не обнаруживалъ притязаній на власть государственную. Лучшее доказательство этого авторъ усматриваетъ въ великомъ уваженіи и любви, которыми пользовался этотъ патріархъ въ народѣ. Борьба его съ царемъ по вопросу о взаимоотношеніи между двумя властями окончилась торжествомъ воззрѣ-

ній Никона. Правда первоначально противъ его мыслей высказались греческіе іерархи, признавъ, что царская власть выше духовной,—царь намѣстникъ Божій на землѣ и патріархъ долженъ ему повиноваться наравнѣ съ другими подданными. Но на соборѣ 1667 года русскіе архіереи добились иного рѣшенія этого вопроса, каковымъ рѣшеніемъ предоставляются одинаковыя права царю и патріарху — первому въ дѣлахъ гражданскихъ, второму въ церковныхъ. Церковь была признана самостоятельнымъ и независимымъ учрежденіемъ, имѣющимъ своего главу, свои законы, судъ и управление и всякое вмѣшательство въ ея дѣла признано дѣломъ незаконнымъ. По требованію собора уничтожены были монастырскій приказъ и свѣтскіе архіерейскіе чиновники. Итакъ патр. Никонъ не стремился стать русскимъ папой, не ратовалъ за совершенное отдѣленіе церкви отъ государства а только за ея самостоятельность въ духовныхъ дѣлахъ, не домогался онъ преобладанія надъ царемъ, а говорилъ только о духовной власти патріарха. Страстный характеръ борьбы и паденіе Никона объясняются его личными качествами.

Съ паденіемъ Никона однако не пало значеніе русскаго патріарха. Теорія о превосходствѣ его власти надъ царской проповѣдуется по прежнему. По прежнему патріархъ является помощникомъ государственной власти. Общество относилось къ нему съ прежнимъ уваженіемъ и довѣріемъ; народъ искалъ у патріарха защиты отъ неправды или отъ строгости закона. Само правительство нуждалось въ его помощи при столкновеніяхъ съ народомъ и боярами. Власть Московскаго государя послѣ смутнаго времени возведена была на высоту дѣятельностью патр. Филарета, а теперь патр. Іоакимъ спасаетъ московское единоедержавіе отъ боярской попытки раздѣлить московское государство на области и въ нихъ поставить вѣчныхъ намѣстниковъ изъ великородныхъ бояръ. Духовенство помогаетъ государству въ финансовыхъ затрудненіяхъ. По всему этому церковь какъ прежде дѣйствуетъ въ дѣлахъ мірскихъ и не теряетъ своего государственнаго значенія. Единеніе между церковью и государствомъ нарушенное тяжбою съ Никономъ, скоро возстановилось. Оно становится по мнѣнію автора даже тѣснѣе и выражается въ дѣятельности русской церкви главнымъ образомъ въ области

законодательства. Вообще заслуги патріаршей церкви велики и вліяніе ея обширно.

Таково содержаніе очерка г. Г. М—ва. Намъ кажется, къ нему слѣдуетъ нѣчто добавить, именно добавить начало и конецъ, которыхъ здѣсь не достаётъ, а послѣ этого и вся исторія патріаршества представится нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что съ государственнымъ значеніемъ патріарховъ связана самая судьба патріаршества—его учрежденіе и отмѣна, имъ опредѣляются и главные моменты исторіи, чего авторъ видимо не предполагаетъ. Онъ справедливо замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что власть Московскаго митрополита въ эпоху Грознаго, т. е. наканунѣ учрежденія патріаршества, была сильно унижена свѣтской властію: избраніе и удаленіе митрополитовъ производится государемъ. Между тѣмъ въ пору униженія духовной власти при сынѣ Ивана IV представитель русской церкви возводится на высшую степень церковно-административнаго положенія—становится патріархомъ. Какъ это объяснить? Несомнѣнно возвышеніе русскаго первосвятителя не было слѣдствіемъ внутренняго роста его церковно-административнаго значенія. Учрежденіе у насъ патріаршества было дѣломъ государства и нужно было ему: патріаршество явилось такъ сказать для государственнаго представительства русской церкви. Это очень ясно изъ словъ патр. Іереміи—„во всей подсолнечной одинъ благочестивый царь... здѣсь подобаешь быть вселенскому патріарху“. Вотъ почему переименованіе московскаго митрополита въ патріарха не дало ему на первыхъ порахъ новыхъ государственныхъ правъ и значенія. Но обстоятельства сложились въ пользу развитія этого значенія и правъ. Въ смутное время, когда шатались самыя основы русскаго государства, церковь была прочна и спасла его отъ гибели. Эта заслуга возвышаетъ церковь, а патр. Филаретъ пользуется положеніемъ дѣла въ интересахъ патріаршей власти. Но государство развивалось: все возвышеннѣе становились понятія о власти царя, все больше росли матеріальныя потребности Россіи. Такъ какъ на нужды государства не хватало у него собственныхъ средствъ то приходилось обижать церковь,—возникаетъ давно извѣстная, но не осуществленная попытка воспользоваться церковными вотчинами. Въ правленіе слабаго патр. Іосифа попытка эта осуществляется

въ Уложеніи царя Алексѣя. Преемникъ Іосифа является борцомъ за права церкви. Благодаря личному вліянію и талантамъ Никонъ поднялъ патріаршую власть на небывалую высоту и напрасно авторъ отвергаетъ то, что въ это время патріаршая власть посягала на царскую, напрасно опускаетъ извѣстныя слова Неронова, обращенныя къ патріарху: „государевы царева власти уже не слышать, всѣмъ отъ тебя страхъ“,—и фактъ, что на соборѣ 1666 г. патріарха Никона обвиняли въ превышеніи власти и среди обвинителей былъ самъ царь. Въ доказательство отсутствія у Никона притязаній на государственную власть авторъ ссылается на его популярность въ народѣ. Но это плохое доказательство и по существу и въ данномъ случаѣ. Извѣстно что едва ли кто изъ нашихъ церковныхъ дѣятелей возбуждалъ къ себѣ такую страстную ненависть, какъ патр. Никонъ въ извѣстной части русскаго народа. Въ борьбѣ за церковныя права и собственное положеніе Никонъ палъ: государство оказалось сильнѣе церкви, въ которой наступило тогда свое смутное время. Значеніе патріаршей власти тогда было сильно поколеблено, что напрасно отвергаетъ авторъ. Свящ. П. Смирновъ въ своемъ изслѣдованіи о патр. Іоакимѣ (на это изслѣдованіе, кстати сказать, нѣтъ ссылокъ въ разбираемой статьѣ) справедливо рассуждаетъ: „значеніе первосвященника Московскаго съ этого времени (съ паденія Никона) сильно поколебалось. Вѣками утвердившійся за нимъ авторитетъ теперь болѣе и болѣе утрачивалъ свою силу, свою неприкосновенность въ общественномъ мнѣніи“ (стр. 17). Съ этого времени патріаршество клонится къ упадку. Авторъ старается доказать прежнее значеніе церковной власти въ администраціи, въ законодательствѣ, но опускаетъ изъ вниманія, что именно въ это время государственные дѣятели постепенно эмансипировались отъ опеки патріаршей власти, что и понятно. Патріаршество было необходимымъ завершительнымъ моментомъ древне-русской церковной исторіи. Въ періодъ, когда религіозное сознаніе народа стояло на обрядовой точкѣ зрѣнія, патріархъ въ своей богослужебной и даже житейской обстановкѣ былъ высшимъ выразителемъ такого направленія и несомнѣнно Никонъ съ его реформой церковнаго обряда является высшимъ представителемъ этого вѣковаго религіознаго сознанія русскаго народа.

Въ патріаршествѣ осуществлялась высшая инстанція церковно-административной власти, какую могла передать Византія своей преемницѣ Руси. И опять Никонъ съ его эллинофильствомъ и возрѣніемъ на патріаршую власть является выразительнымъ представителемъ русскаго патріаршества. Но въ концѣ XVII в. въ жизни Россіи начинался новый періодъ: она поворачиваетъ отъ Византіи къ европейскому Западу, начала, завѣщенныя Византіей, стали стѣснительны, русскаго патріарха начали приравнивать къ римскому папѣ и бояться его значенія. А съ другой стороны и послѣднимъ патріархамъ не нравятся новизны, идущія съ запада; въ вопросѣ о реформѣ, которая подготавливалась съ необходимостью, они были готовы стать на сторонѣ противниковъ. Патріаршество, созданное въ свое время государствомъ и для государства, стало для него тормазомъ и потому было уничтожено и опять царской властью. У нашего же автора нѣтъ никакихъ объясненій для этого. Вскорѣ послѣ смерти патр. Адріана снова былъ возстановленъ монастырскій приказъ съ еще болѣе важными полномочіями. Очень странно, что авторъ совершенно опустилъ изъ вида разсужденіе Духовнаго Регламента объ опасности для русскаго самодержца отъ власти патріарха. Справедливо ли было это опасеніе или нѣтъ, чѣмъ оно вызвано и что за собой скрываетъ,—на всѣхъ подобныхъ вопросахъ автору во всякомъ случаѣ слѣдовало подробно остановиться.

Напрасно авторъ мало придаетъ значенія личностямъ патріарховъ. Исторія борьбы съ государственной властью, или даже исторія внутренняго развитія власти патріарховъ получаетъ яркое освѣщеніе при изученіи личности того или другого изъ нихъ. При Филаретѣ патріаршая власть поднялась благодаря родству его съ царемъ и личному характеру патріарха. Едвали бы Уложеніе возникло въ этомъ видѣ, еслибы на мѣстѣ Іосифа былъ патр. Никонъ и едвали бы борьба такъ обострилась, еслибы преемникомъ Іосифа былъ не Никонъ, а другой Іосифъ. Наконецъ, чтобы отчетливѣе была мысль автора, ему не слѣдовало бы безразлично употреблять понятія не однозначущія — значеніе русскаго патріарха и значеніе русской патріаршей церкви. А то читатель безъ труда замѣчаетъ, что тамъ, гдѣ автору не хватаетъ данныхъ для доказательства значенія патріарховъ, онъ

спокойно замѣняетъ ихъ данными о значеніи русской церкви и затемняетъ свой вопросъ даже для себя.

Въ Русской Старинѣ (съ февраля) печатаются *Воспоминанія протоіереея Іоанна Іоанновича Базарова*. Главный интересъ ихъ автобіографическій. Но въ Воспоминаніяхъ сообщаются факты пока изъ времени царствованія Николая I, и начала царствованія Александра II очень характерныя для той эпохи. Вотъ эпизодъ изъ исторіи русской духовной цензуры въ пятьдесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Докторъ Бартъ, протестантскій пасторъ, издалъ на нѣмецкомъ языкѣ краткую библейскую исторію, вполне христіанскаго характера, написанную въ противовѣсъ раціоналистическимъ учебникамъ, которую авторъ Воспоминаній перевелъ на русскій языкъ. „Первый изъ цензоровъ, къ которому попала въ руки эта книжка, былъ протоіерей Окуневъ. Онъ возвратилъ мнѣ рукопись съ помѣткой: „печатать не дозволяется.“ Оказалось, что слогъ книжки не довольно церковенъ. „Напримѣръ говорилъ цензоръ, вы употребляете слово „дурной“. Это напоминаетъ—дурь, дурака, а это неприлично въ книжкѣ, гдѣ разсказываются событія библейскія. Да и самое названіе, которое вы выставили „Разказы изъ библейской исторіи“ тоже не прилично. Разказы—росказы—какъ то профанно. А главное скажу вамъ откровенно: у насъ теперь такая строгость въ цензурѣ, а мнѣ остается дослужить только годъ до пенсіи по цензурному вѣдомству, что я теперь не пропускаю ничего въ печать, опасаясь, чтобы высшая цензура не придралась къ чему-нибудь и не дала мнѣ отставки, черезъ что я лишился бы своей пенсіи“. Черезъ годъ книжка съ измѣненнымъ заглавіемъ снова была представлена въ цензуру и снова забракована. Стыдясь предъ Бартомъ за отечественную цензуру, Базаровъ, тогда священникъ, снова исправляетъ книжку, придумываетъ новое названіе, весь текстъ заимствуетъ дословно изъ русскаго перевода библіи. Рукопись поступила въ цензуру профессора Петербургской академіи Карпова. Онъ разрѣшилъ ее къ печати, но весь текстъ исправилъ по своему. Тогда Базаровъ напечаталъ книжку за границей не обращая вниманія на цензорскія исправленія и поѣхалъ въ Россію для личнаго объясненія съ Карповымъ. Послѣдняго онъ убѣдилъ, что слогъ книжки принадлежитъ переводу библіи одобренному св. Синодомъ и

библейская исторія была разрѣшена и стала быстро раскупаться. Но цензурная исторія книжки еще не кончилась на томъ. Желая получить одобреніе Св. Синода, переводчикъ долженъ былъ опять испытать тяжесть и придирчивость духовной цензуры. Профессоръ Чельцовъ, которому на этотъ разъ пришлось давать отзывъ о библейской исторіи „набросился со всею напускною ревностью на защиту православія противъ произведеній раціонализма. По его мнѣнію всѣ нѣмцы заражены раціонализмомъ, и „изъ Назарета можетъ ли быть что-либо доброе?“ Не зная, что нѣмецкая исторія библейская направлена противъ раціонализма, Чельцовъ ищетъ его слѣдовъ въ передѣлкѣ этой исторіи православнымъ священникомъ, оспариваетъ мѣсто о засохшей смоковницѣ, изложенное по евангелію. Между цензоромъ и авторомъ поднимается споръ, который разрѣшаетъ А. В. Горскій, а потомъ митр. Филаретъ. Книжка была одобрена учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ.

Изъ сороковыхъ годовъ протоіерей Базаровъ вспоминаетъ извѣстную исторію съ переводомъ библіи Павскимъ. Онъ былъ студентомъ академіи, когда безъ вѣдома протоіерея Павскаго студенты отлитографировали переводъ и съумѣли обмануть академическую цензуру. Текстъ перевода досталъ одинъ студентъ при помощи дочери Павскаго. Собрали подписку на изданіе во всѣхъ академіяхъ. Обманывали же начальство тѣмъ, что вкладывали по нѣскольку страницъ перевода въ литографировавшіяся для студентовъ лекціи. По выходѣ въ свѣтъ русская библія стала дорого покупаться. Самъ авторъ Воспоминаній продалъ одинъ экземпляръ ея за 50 рублей. Когда разыскали виновниковъ предпріятія, отобрали и подписной листъ и такимъ образомъ нашли все изданіе до послѣдняго экземпляра. Павскаго, какъ извѣстно подвергли испытанію въ чистотѣ православія и лишили должности законоучителя наслѣдника за неправославный переводъ библіи, а готовили даже болѣе суровое наказаніе: лишить священнаго сана и послать въ монастырь на покаяніе, всѣхъ пріобрѣтшихъ библію подвергнуть дисциплинарному наказанію, а зачинщиковъ студентовъ всѣхъ высѣчь. Соображенія протопресвитера Бажанова смягчили это наказаніе.

Въ началѣ царствованія Александра II послѣ севастополь-

скаго погрома у князя Горчакова возникла мысль завоевать Россіи прочное положеніе на востокѣ путемъ церковнаго вліянія въ Іерусалимѣ. Составлена была программа дѣятельности для новой духовной миссіи, не много смахивающая на іезуитизмъ, но прикрытая пользой православія въ колыбели христіанства. Начальникъ миссіи долженъ былъ совмѣщать съ высшимъ духовнымъ саномъ и дипломатическій характеръ. Кн. Горчаковъ имѣлъ въ виду назначить на эту должность вдоваго протоіерея Базарова съ принятіемъ епископскаго сана. Но онъ отказался, потому что не хотѣлъ принимать предъ посвященіемъ монашескаго постриженія и по соображеніямъ любопытнымъ—не чувствуя призванія къ монашеству, онъ не считалъ согласнымъ съ совѣстью склониться на убѣжденія людей, которые ему говорили, чтобы принялъ обѣты только для формы безъстрогаго ихъ исполненія, а потомъ онъ не находилъ ни въ каноническихъ ни въ церковноисторическихъ данныхъ основаній, чтобы епископскій санъ поставленъ былъ въ необходимую зависимость отъ монашескаго званія. Очевидно въ вопросѣ о монашествѣ епископовъ, поднятомъ у насъ въ то время, авторъ Воспоминаній совершенно расходился съ Іоанномъ (Соколовымъ), впоследствии епископомъ Смоленскимъ, и стоялъ ближе къ взгляду А. В. Горскаго. Онъ предоставилъ князю Горчакову хлопотать о своемъ посвященіи въ епископы безъ принятія монашества, но усилія князя не привели ни къ чему. Кн. Горчаковъ обратился съ предложеніемъ занять постъ начальника миссіи къ протоіерею Рождественскому. Но тотъ довольно скептически относился къ самому проекту, рассуждая, что мы еще далеко не доросли для того, чтобы брать на себя роль просвѣтителей на востокѣ. Свои взгляды на этотъ счетъ протоіерей Рождественскій высказалъ въ крайне интересномъ письмѣ къ Базарову изъ котораго мы приведемъ наиболѣе характерныя мѣста, имѣющія даже современный интересъ.

Рождественскій сомнѣвается въ успѣхѣ широко задуманной миссіи во—первыхъ потому, что „наши планы передадутъ на судъ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ это по регламенту и вотъ наши думы, чистыя и безкорыстныя перешли въ канцелярію“. А канцелярщина разумѣется исказитъ самый проэктъ. Но еслибы паче чаянія проэктъ нашель свое

осуществленіе въ своемъ настоящемъ видѣ, польза была бы сомнительная: „Время ли теперь домогаться сомнительнаго вліянія на востокѣ, когда у насъ, какъ говорится, своя изба горитъ, когда мы доселѣ милліоны своихъ крестьянъ не умѣли научить молитвѣ Господней? Отъ грековъ нельзя ожидать ни сочувствія русскому дѣлу на православномъ востокѣ, ни даже особой заботливости въ охраненіи правъ православной церкви. Между тѣмъ успѣхи католичества и протестантства быстро растутъ на востокѣ. Къ тому же и на русскихъ дѣятелей надежда плохая. Деньги на дѣло миссиіи были готовы, но онѣ могли разойтись непроизводительно. „Русскій человекъ размахистъ и при случаѣ кармана не жалѣетъ, но на бѣду онъ и на руку нечистъ и экономію слишкомъ мало разумѣетъ. Останавливаясь на начальникѣ миссиіи Пресвященномъ Кириллѣ, прот. Рождественскій указываетъ на его неподготовительность. „Пусть выберутъ меня или другого кого, выйдетъ можетъ быть еще хуже, потому что росли насъ въ одномъ огородѣ и поливали водою изъ одного болота“.

Сомнѣвался протоіерей Рождественскій въ успѣхѣ борьбы съ іезуитами и на научной почвѣ путемъ серьезной богословской журналистики. „Цвѣты нашей учености, пишетъ онъ, созрѣваютъ единственно въ академическихъ теплицахъ и оттуда волею судьбы разносятся въ видѣ блѣдныхъ лепестковъ по всему пространству Россіи, чтобы распространять свое благоуханіе въ образахъ наставниковъ академій и семинарій, законоучителей свѣтскихъ заведеній и приходскихъ священниковъ“. Но ни тѣ, ни другіе, ни третьи не служили духовной наукѣ. Наставники духовныхъ заведеній „со школьной скамьи поднявшись на кафедру, обыкновенно начинаютъ ученые подвиги свои компиляціею академическихъ уроковъ по тому предмету, какой жребіемъ указанъ имъ и постепеннымъ забвеніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ. На первыхъ же шагахъ они сталкиваются съ разными житейскими неудобствами, которыя года чрезъ два, часто меньше и рѣдко больше, воспаляютъ въ нихъ неутолимое желаніе пожить на хлѣбахъ у какого-нибудь кладбищенскаго отца, подъ условіемъ законнаго брака съ его дочкою. Затѣмъ является понятное охлажденіе къ ученымъ занятіямъ, (къ которымъ и никогда не было пробуждено осо-

бенной горячности). Они начинаютъ посѣщать свои аудиторіи для одной формы, а главнымъ дѣломъ считаютъ—присматривать мѣстечко или въ приходѣ или въ департаментѣ. И хорошо дѣлаютъ“... Поступающіе въ законоучители бываютъ завалены уроками въ заведеніяхъ и частными, а когда явятся досуги и привычка, ихъ заставляютъ исполнять порученія, отвлекающія отъ науки. „Говорить ли о приходскихъ священникахъ, которымъ кромѣ обычныхъ вечерень, утрень, обѣдень, панихидъ и проч. приходится иногда совершать по 10 крестинъ въ день и исповѣдывать по 500 грѣшниковъ? Ихъ ученость испаряется по мѣрѣ того, какъ притупляется языкъ отъ ежедневнаго чтенія по извѣстнымъ книжицамъ и едва достигаетъ на то, чтобы написать двѣ проповѣди въ годъ для каѳедральнаго собора“. Ученость не только не нужна но и не совсѣмъ удобна для карьеры священника. „Я не упомянулъ объ ученыхъ—монашествующихъ, которые и отъ міра отрекаются повидимому не столько для спасенія души, сколько для просвѣщенія себя и другихъ“. Вспомнивъ о немногихъ свѣтилахъ русской богословской науки среди пастырей русской церкви, авторъ письма продолжаетъ. „Что же дѣлаетъ большинство ученыхъ монаховъ? спросите вы. Живетъ и дѣятельно стремится горѣ, къ почестямъ высшаго званія, имѣя въ виду покой на мягкомъ сѣдалищѣ,—устраиваемомъ среди церкви“.

Обильнымъ матеріаломъ для серьезнаго богословскаго журнала Базаровъ считалъ курсовыя, по современному, кандидатскія, сочиненія студентовъ, безъ пользы лежащія въ академическихъ архивахъ, но Рождественскій былъ о нихъ очень низкаго мнѣнія. „Признаюсь и я долго считалъ ихъ сокровищемъ, пока не сдѣлался присяжнымъ ихъ оцѣнщикомъ. Теперь думаю иначе и готовъ бы предложить проектъ, чтобы академическіе архивы подобно всякимъ другимъ подвергать время отъ времени, огненному очищенію. Вотъ доказательства. Вы знаете, что изъ студентовъ внимательно занимаются курсовыми сочиненіями только тѣ, которые имѣютъ претензію на степень магистра, прочіе увѣрены, что ихъ во всякомъ случаѣ выпустятъ кандидатами и потому пишутъ кое-что и кое-какъ. Такимъ образомъ сокровища наши сокращаются по крайней мѣрѣ на половину. Теперь если взять магистерскія разсужденія за всѣ курсы,—

между ними вы найдете опять можетъ быть половину такихъ, которыя писаны на однѣ и тѣже темы и по однимъ источникамъ. Значить и тутъ окажется мало новаго, но много лишняго. Изъ остальныхъ затѣмъ отдѣлите половину такихъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшей самостоятельности взгляда на предметъ, а только старательно собраны выписки, изъ печатныхъ книгъ, находящихся въ академическихъ библіотекахъ. Согласитесь, что и это находка не важная особенно для нынѣшней мужающей литературы нашей. Много ли же останется трудовъ самостоятельныхъ, зрѣлыхъ заслуживающихъ общаго вниманія?... Только три изъ нихъ на моей памяти оказались капитальнымъ приобрѣтеніемъ для науки, это: Разсужденіе Руднева „О ересьяхъ и расколахъ въ Россіи“, не помню, чье сочиненіе „О св. Дмитріи Ростовскомъ“ и изслѣдованіе Кудрявцева „О единствѣ рода человѣческаго“ ¹⁾. При такомъ состояніи нашей учености можно ли вступать въ полемику съ іезуитами? Не думаю“.

На общее состояніе нашей церкви оба протоіерея смотрѣли довольно безнадежно. „Мысль, что при совершенныхъ преобразованіяхъ, которыя начаты въ Россіи, церковь наша можетъ пасть, частію отъ своей отсталости, частію отъ усиленія расколовъ, вслѣдствіе свободы исповѣданія,—эта мысль страшна по вѣроятности ея осуществленія и не разъ уже приходила мнѣ въ голову въ послѣднее трехлѣтіе. На основаніи ея то созрѣваетъ во мнѣ убѣжденіе, что всѣ частныя мѣры, какія можно придумать ко благу нашей церкви, не принесутъ существенной пользы, пока не будетъ сдѣлано радикальное преобразованіе духовной администраціи, пока въ наше сословіе не будутъ введены свѣжіе элементы“.

Изъ слѣдующей статьи увидимъ какъ сильна была въ то время потребность въ духовной реформѣ.

Статья г. Папкова „Церковно-Общественные вопросы въ эпоху Александра II (1855—1870)“ (Русскій Вѣстникъ, январь, февраль, мартъ) имѣетъ весь интересъ современности, потому

¹⁾ Сочиненіе „О св. Дмитріи Ростовскомъ“ писано было Василиемъ Нечаевымъ (нынѣ преосв. Виссаріонъ еписк. Костромской) и сильно передѣлано А. В. Горскимъ, разсужденіе Руднева тоже правлено А. В-чемъ но значительно меньше. Такимъ образомъ всѣ три указанія выдающіяся произведенія принадлежатъ нашей академіи.

что тѣ же церковно-общественные вопросы стоятъ перѣшными и въ наши дни. Царствованіе Александра II началось при сильномъ движеніи къ улучшенію административнаго и общественнаго строя. Движеніе коснулось и нашего церковнаго строя, въ которомъ царили застои и рутина, который неотложно требовалъ своего преобразования. Заговорили передовые люди о религіозной нетерпимости, о мертвенности, въ которой пребываетъ наша церковь, о духовной цензурѣ, „о лжи церковной“ и здѣсь стали искать причинъ усиливавшагося въ обществѣ равнодушія къ интересамъ религіи, отсутствія религіознаго направленія въ литературѣ, причинъ наступающаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ даже въ народѣ. Такъ говорили и писали лучшие люди того времени, не враги, а друзья церкви. У людей, стоящихъ ближе къ церкви, у лицъ высшей іерархіи сознаніе нужды реформы было едва ли не сильнѣе; по крайней мѣрѣ имъ ближе были извѣстны нестроенія церковной русской жизни сверху до низу и во всѣхъ сторонахъ. Сочувственно отнеслись къ мысли о реформѣ митр. Филаретъ, Арсеній (Москвинъ) митр. Кіевскій, Иннокентій тогда епископъ Камчатскій, впоследствии митрополитъ Московскій, Вятскій епископъ Агаангель (Соловьевъ) и Енисейскій Никодимъ (Казанцевъ). Митр. Филаретъ долженъ былъ высказываться по поводу записокъ А. Н. Муравьева, касавшихся преобразования русской церкви, и высказывался крайне осторожно, что Муравьевъ объяснилъ такъ: „30-лѣтнее трудное поприще минувшаго царствованія (Николаевскаго) сдѣлало митрополита слишкомъ осторожнымъ“. Но записки Муравьева очень широко и многосторонне описываютъ русскую церковную жизнь, представляя „мрачную картину внутренняго неурядиства православной церкви“. Наши священники составителю записки представлялись людьми совершенно неопытными въ отправленіи богослуженія, равнодушными къ совершенію таинствъ и смотрящими на свой санъ не какъ на цѣль своей жизни, а какъ на средство къ существованію. Отчасти объясняется это воспитаніемъ: они выходятъ изъ училища безъ теплои вѣры и безъ разумѣнія высоты ожидающаго ихъ званія. Остановившаяся на вопросѣ о матеріальномъ положеніи низшаго духовенства, Муравьевъ указываетъ скудость его средствъ,

но не сочувствуетъ мѣрамъ, которыя принимались противъ этого: онъ противъ закрытiя церквей и сокращенiя причтовъ; онъ не одобряетъ и проекта о жалованьи духовенству отъ правительства, потому что это нарушило бы патрiархальныя отношенiя между прихожанами и пастыремъ; отмѣчаетъ злоупотребленiе консисторiй и благочинныхъ, облагающихъ церкви оброкомъ въ свою пользу, особенно то, что свѣчные доходы идутъ исключительно на нужды духовно-учебныя. Въ епархiальномъ управленiи свои недостатки. Архiереевъ слишкомъ мало сравнительно съ обширностью епархiй, перемѣщенiе ихъ изъ одной епархiи въ другую вредно отражается на отношенiяхъ ихъ къ паствѣ, содержанiе ихъ бѣдно, нѣтъ между ними общенiй, благотѣльныхъ для правильнаго хода церковныхъ дѣлъ. Епископы одиноки въ своихъ епархiяхъ. И слѣдствiе этого таково: „вмѣсто того, чтобы проникать дѣятельно въ нужды церковныя, они облакаются какъ броней въ консисторскiя формы и становятся недоступными кромѣ какъ для своихъ присныхъ или для нѣсколькихъ почетныхъ лицъ въ губернiи“. Муравьевъ рекомендуетъ противъ этого архiерейскiе съѣзды, особенно полезные для молодыхъ, неопытныхъ епископовъ. Въ заключенiи говоритъ объ общемъ равнодушiи къ расколу и о безсилii церкви въ борьбѣ съ нимъ. Митр. Филаретъ, разбирая записку, предостерегаетъ автора — „обличайте но не преувеличивайте“, но соглашается съ нѣкоторыми ея частностями. „Записка говоритъ, пишетъ Филаретъ, что церковь безсилна противодѣйствовать расколу. Горькое слово; но въ немъ есть правда“. Для искорененiя церковныхъ беспорядковъ и реформы всего строя, митр. Филаретъ, соглашался съ мыслью о созванiи помѣстнаго русскаго собора. Въ двухъ другихъ запискахъ А. Н. Муравьевъ останавливается исключительно на высшемъ церковномъ управленiи Россiи—на власти оберъ-прокурора Св. Синода. Власть прокурора тройкая: предначертательная, совѣщательная и исполнительная. Движенiе синодальнымъ протоколамъ даютъ два слова, написанныя оберъ-прокуроромъ „читаль“ и „исполнить“, они рѣшаютъ дѣла церковныя и самыя важныя и самыя обыкновенныя. „Какой патрiархъ, спрашиваетъ авторъ записки, пользовался столь неограниченною властью?“ Обращаясь къ времени графа Протасова, онъ рассказываетъ

исторію того, какъ при Св. Синодѣ образовалось полное министерство только съ гораздо большими правами и преимуществами, чѣмъ другія. Отсюда свѣтская власть проникаетъ все церковное управленіе: ей подчинены духовныя академіи и семинаріи, въ рукахъ оберъ-прокурора находятся капиталы церковныя, онъ управляетъ синодальной канцеляріей. Особенное нарушеніе церковнаго начала усматривается въ „консультаци“ при оберъ-прокурорѣ, состоящей изъ юрисконсульта и директоровъ разныхъ управленій и канцелярій, которая пересматриваетъ дѣла идущія на докладъ государю и представляетъ оберъ-прокурору мнѣніе, слѣдуетъ ли еще о томъ докладывать, т. е. разсуждаетъ, право или неправо судили члены Синода. Записка отмѣчаетъ чрезмѣрное увеличеніе свѣтскихъ чиновниковъ, на содержаніе которыхъ непроизводительно тратятся суммы свѣчнаго „сбора, похищаемыя у убогихъ церквей“. Черезъ секретарей консисторій власть оберъ-прокурора проникаетъ въ епархіальное управленіе въ ущербъ архіерейской власти. Самое тяжкое однако нарушеніе іерархическихъ правъ обнаруживается въ перемѣщеніи архіереевъ съ кафедръ на кафедру мимо Св. Синода: это право перешло изъ-подъ іерархическаго вліянія на произволь оберъ-прокурора и окончательно подчинило ему епархіальныхъ архіереевъ. Такой порядокъ дѣла опасенъ и для внутренняго и для внѣшняго положенія церкви, онъ вредитъ и отношенію раскола къ церкви и отношенію со стороны православнаго востока. Во второй запискѣ излагается прое́къ возстановленія прежняго порядка въ церковномъ управленіи, т. е. порядка времени Петра. Любопытно отмѣтить, какъ отнесся къ этимъ запискамъ митр. Филаретъ: онъ отмѣчаетъ трудность почти неосуществимость церковной реформы. „Несчастіе нашего времени то, писалъ онъ Иннокентію, что количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленное не однимъ уже вѣкомъ, едва ли не превышаетъ силы и средства исправленія“. И другіе іерархи видѣли нужду въ реформѣ и понимали ее трудность. Одинъ отмѣчаетъ, что „нынѣ архіерей въ городахъ нужны почти для торжественнаго служенія въ извѣстные дни, не болѣе“, другой описываетъ „подневольное положеніе архіереевъ, ихъ подбострастіе и лишнюю покорность свѣтской власти“, третій (Агаѳангель) составляетъ прое́къ о преобразованіи Синода.

Въ 1858 г. въ Лейпцигѣ вышла книга священника Беллюстина подъ заглавіемъ „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи“, гдѣ въ яркихъ краскахъ выставлены были недостатки въ бытѣ русскаго духовенства въ системѣ его образованія, воспитанія и управленія. Преобразование послѣдняго онъ считалъ необходимымъ. Книга написана была горячо и затрогивала важнѣйшіе вопросы церковной жизни. Она вызвала сначала задорную полемику у насъ и за границей, полемика потомъ уступила мѣсто трезвому обсужденію общественныхъ вопросовъ особенно въ духовной журналистикѣ. Въ академическихъ и частныхъ изданіяхъ появляются многочисленныя статьи о нуждахъ церковной жизни. Въ нашемъ академическомъ журналѣ „Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ“ въ 1862 году была напечатана интересная статья Н. П. Гилярова-Платонова, выясняющая причины печальнаго состоянія духовенства—„о первоначальномъ народномъ обученіи“—причины, сдѣлавшія духовенство „сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ но притязательнымъ, лѣнливымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, а вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни“. Съ этой статьей вышла исторія. На нее обратилъ вниманіе государь и отмѣтилъ слѣдующее мѣсто: „православное духовенство есть сословіе намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ“. Митр. Филарету, читавшему и допустившему статью къ печати, пришлось давать свое мнѣніе о приведенныхъ словахъ и онъ пришелъ къ заключенію, что „статья не подлежитъ обвиненію въ несправедливости или неблагонамѣренности, а только въ неосторожности и неблаговидности выраженій“. Обсужденіе нуждъ духовенства въ печати вызвало между прочимъ сочувствіе къ нему, сочувствіе перешло въ дѣло: открываются сначала въ столицѣ общество вспоможенія бѣднѣйшимъ православнымъ церквамъ и монастырямъ въ Россіи; оно оказывало матеріальную помощь бѣднѣйшему духовенству и содѣйствовало просвѣщенію, строило дома для заштатныхъ священнослужителей.

Этотъ общественный интересъ къ вопросамъ церковной жизни не прошелъ для нея безслѣдно. Авторъ не говоритъ пока, какое значеніе онъ имѣлъ для высшихъ сферъ цер-

ковнаго управленія, но отмѣчаетъ нѣкоторыя отрадныя явленія въ жизни православнаго русскаго прихода, — описываетъ пробужденіе мысли о важномъ общественномъ значеніи православнаго прихода и братства, съ древней организаціей которыхъ познакомило тогда общество священникъ Флеровъ своею книгой „О православныхъ церковныхъ братствахъ“ (1857 года), — излагаетъ исторію возрожденія православнаго прихода въ духѣ древне-русской его организаціи именно въ устройствѣ приходскаго быта областей Амурской и Приморской (въ 1859 г.), а также въ округахъ пахотныхъ солдатъ Новгородской губерніи и въ округахъ южныхъ бывшихъ военныхъ поселеній (въ 1862 г.). Приходъ, какъ административно, — территоріальная единица, не былъ забытъ въ эпоху освобожденія крестьянъ въ редакціонныхъ коммисіяхъ. Искусственно создавая для крестьянъ административную и полицейско-судебную единицу — „волость“, редакціонныя коммисіи приняли за положительное правило сохранить сколько возможно существующее раздѣленіе на приходы, образуя, гдѣ это можно, изъ cadaго прихода отдѣльную волость, малочисленные приходы соединять въ одну волость по два или по три и только въ крайнемъ случаѣ допускать дробленіе прихода по разнымъ волостямъ. Этими мѣрами дѣятели по крестьянской реформѣ старались сохранить наши приходы въ ихъ исторически созданной цѣлости для того, чтобы современемъ изъ этой ячейки могла быть создана настоящая древне-русская, жизненная общественная единица.

Безъ участія правительства, а только благодаря частному почину учреждаются православныя братства. Здѣсь авторъ обстоятельно описываетъ замѣчательную дѣятельность петербургскаго священника Александра Гумилевскаго. Онъ сумѣлъ чрезъ журналъ „Духъ христіанина“ заинтересовать въ этомъ дѣлѣ общество, привлечь членовъ и средства и учредить два братства, въ организаціи которыхъ были возстановлены многіе трогательные обряды и обычаи древнихъ братствъ: примирительный братскій судъ, стояніе братчиковъ въ извѣстные моменты богослуженія съ возженными свѣчами, обѣды для бѣдныхъ и нищихъ въ праздничные и воскресные дни, а также поминальныя. За братскими обѣдами, которымъ о. Гумилевскій придавалъ главное значеніе въ организаціи, прислуживали

сестры братства по примѣру древнихъ христіанскихъ діакониссъ. Эти сестры приняли на себя служеніе бѣднымъ прихода. Онѣ обучали дѣтей, ходили за больными, посѣщали бѣдныхъ на квартирахъ, а также арестантское отдѣленіе для утѣшенія содержавшихся тамъ женщинъ. Ревностный учредитель составилъ даже пѣсни для дѣтей, призрѣваемыхъ въ пріютѣ братства: братскую и нищенскую пѣсни. Въ Москвѣ учрежденію братствъ содѣйствовало „Православное Обозрѣніе“. Первое братство или попечительный совѣтъ о бѣдныхъ было устроено трудами священниковъ Сперанскаго и Ключарева (нынѣ архіеп. харьковскаго Амвросія). Главное же движеніе въ пользу возстановленія древнихъ братствъ обнаружилось въ Кіевской епархіи и принадлежитъ кіевскому митрополиту Арсенію. Но кромѣ духовенства участіе въ этомъ дѣлѣ принимали и свѣтскія лица, то возбуждая интересъ къ этой чисто православной формѣ церковнаго быта научнымъ изслѣдованіемъ ея исторіи, какъ проф. Кояловичъ, то сочувствіемъ, выразившимся въ матеріальной жертвѣ и вступленіи въ члены братства, какъ напр. И. С. Аксаковъ, то наконецъ инициативой въ возстановленіи древнихъ братствъ на ихъ прежней родинѣ въ западно-русскомъ краѣ или въ учрежденіи новыхъ, какъ великая княгиня Елена Павловна, графини Протасова и Блудова.

Подождемъ продолженія этого интереснаго очерка.

Изъ другихъ журнальныхъ статей по исторіи русской церкви отмѣтимъ слѣдующія. Въ Русскомъ Архивѣ даются новые мелкіе матеріалы: О мѣстѣ погребенія Арсенія Мацѣевича (№ 1), *А. Титова*, Архим. Варлаамъ Высоцкій (изъ архивныхъ дѣлъ XVIII в.) (№ 3), Къ жизнеописанію митр. Платона (№ 6), Синодъ Сенату о гибели Московскаго архіепископа Амвросія въ 1771 г. (Тамъ же). Въ другихъ журналахъ помѣщены: *Г. Ольховскаго*, Къ вопросу о первоначальномъ православіи Польши, (Краткій истор. очеркъ, Странникъ, май); *А. А. Завьялова*, Къ вопросу объ имуществѣхъ церковныхъ. Рѣчь предъ защитой диссертациі (Христ. Чтеніе, январь); *свящ. А. А. Иванова*, Императоръ Александръ I Благословенный въ его отношеніи къ духовенству и духовному просвѣщенію. (Вѣра и Церковь кн. 3); *А. П. Лопухина*, Пиннокентій, архіепископъ Херсонскій (Странникъ, январь). Въ Трудахъ Кіевской Академіи идетъ рядъ статей, начатыхъ

въ прошломъ году: Кіевскій митрополитъ Іерофей Малицкій (1796—1799 г.г.) *А. Бѣлгородскаго* (февраль и апрѣль); Преосв. Кирилль Наумовъ, еписк. Мелитопольскій, *свящ. О. Титова* (мартъ); Кн. А. Н. Голицынъ и его церковно-государственная дѣятельность, *свящ. Н. Стеллецкаго* (апрѣль). Кромѣ того вся январская книжка Христіанскаго Чтенія посвящена Исторіи разныхъ богословскихъ наукъ въ истекшемъ ХІХ вѣкѣ.

С. Смирновъ.
